

Во дворце Сумэнь курился агаровый ладан; большого дыма не было видно, но чувствовался тонкий аромат.

Все окна и двери были распахнуты настежь, и свежий воздух вместе с благовониями наконец-то развеял запах затхлости, возникший из-за долгого отсутствия жильцов.

Дополнительного освещения не требовалось: естественный свет, вливавшийся через проёмы, ослепительно ярко заливал весь зал.

Чиновники входили вереницей и, разделившись на гражданских и военных, заняли места по обе стороны зала. Затем вошли кандидаты, и, наконец, под конец появилась императрица.

Те таланты и книжные черви, что всю жизнь читали только труды мудрецов, никогда не видели подобного зрелища. Многие, поклонившись чиновникам, стояли в центре зала, нервно озираясь по сторонам. Хотя нашлись и те, кто сохранял спокойствие и самообладание, но среди толпы кандидатов в белой одежде они особо не выделялись.

Ли Цзычоу вошла в зал в сопровождении императрицы Бай Цинъян. Сегодня Ли Цзычоу была одета в светло-жёлтую нижнюю рубаху, поверх которой набросила серебристо-белый шёлковый халат, расшитый золотыми драконами.

Она не надела habitual coronet для придворных приёмов, а, что было редкостью, заплела волосы в косу, закрепив её простой шпилькой из рога носорога. Повязав налобную повязку шириной всего в палец, украшенную золотой нитью, изображающей двух драконов, играющих с жемчужиной, она выглядела очень живо и подвижно — совсем не как обычно величественная и строгая императрица.

Бай Цинъян редко видела её в таком наряде. По сравнению с нынешней Ли Цзычоу, Ли Чоу из прошлой жизни всегда любила яркие и вычурные одежды и украшения, а от неё исходил сильный запах густых духов и пудры, словно она была в них вымочена.

А последняя Ли Цзычоу редко носила роскошные и помпезные аксессуары и не любила накладывать толстый слой косметики.

Чаще всего она носила строгий тёмный костюм, безупречно надевая императорскую корону, а от неё исходил лишь лёгкий запах травяных благовоний.

Она производила впечатление не столь агрессивной, как в прошлой жизни, но в ней неизменно чувствовалась присущая Ли Цзычоу осмотрительность и сдержанность.

Сегодняшняя Ли Цзычоу, одетая в более светлые тона и с причёской, которую Бай Цинъян ещё не видела, почему-то была очень приятна глазу.

Казалось, даже косые лучи весеннего солнца, проникавшие в зал, склонялись в знак уважения к этому земному светилу. Однако сама она излучала дружелюбие и, очевидно, постаралась, чтобы кандидаты не слишком волновались во время дворцового экзамена.

...Действительно очень красиво.

Бай Цинъян не удержалась и бросила на неё ещё пару взглядов.

Ли Цзычоу действительно тщательно приготовилась; только на эту причёску у неё ушло уйма времени.

Лу Сяоин, хотя и была её личной служанкой, но не была специалистом в этом деле, так что на неё рассчитывать не приходилось.

Другие служанки умели делать только сложные древние причёски, увенчанные грудой золота, серебра и меди, которые выглядели невыносимо тяжёлыми!

Когда Ян Дэцзинь увидела её в первый раз, у неё тоже загорелись глаза. Её подруга умела себя подать, даже заплела «рыбий хвост». В следующий раз она тоже так попробует.

Однако вспомнив о своих катастрофических навыках, она решила, что лучше не стоит. Пусть причёску делает служанка.

Она и с бритой головой будет красавицей!

Ли Цзычоу начала с нескольких официальных фраз, призванных успокоить и ободрить кандидатов, чтобы они не волновались.

Она специально репетировала это и совершенно не терялась.

— Я также знаю одного молодого человека, который сдал кэцзюй, можно сказать, вашего старшего товарища. Он сейчас во дворце, и я хочу представить его вам, — сказала Ли Цзычоу, и ровно в этот момент в зал вошёл Чжоу Хуайцзинь. — О, вот и он.

Ли Цзычоу заранее предупредила стражу, поэтому, когда Чжоу Хуайцзинь появился, его никто не остановил.

— Ваш слуга Чжоу Хуайцзинь приветствует Ваше Величество. Да здравствует императрица! — С этими словами он слегка повернулся и, поклонившись Бай Цинъян, произнёс:

— Приветствую Государыню, да здравствует Государыня!

— Чжоу Цин, поднимитесь. Подойдите и представьтесь им, — сказала Ли Цзычоу Чжоу Хуайцзиню.

Чжоу Хуайцзинь кивнул и, повернувшись к чиновникам и кандидатам, спокойно и невозмутимо представился, назвав своё имя, место рождения и жизнеописание.

Эта сцена тоже была отрепетирована Ли Цзычоу вместе с Чжоу Хуайцзинем; цель заключалась в том, чтобы представить такую личность, как Чжоу Хуайцзинь, перед всеми сановниками.

Бай Цинъян знала об этой договорённости, поэтому не проявила особого волнения.

— Чжоу Цин сейчас мой наставник. Я надеюсь, что и вы в будущем сможете, подобно ему, перепрыгнуть через ворота дракона, а может быть, и превзойти его.

Чиновникам было всё понятно: она хотела вывести Чжоу Хуайцзиня на политическую арену и заодно поднять его статус.

Однако мысли у всех были разные. Кто-то решил, что императрица снова положила глаз на этого типа хрупкого учёного, а кто-то про себя выстраивал иные планы.

Только Лян Цзин внутренне закричал:

«Что за ситуация?! Это ещё один конкурент собирается отобрать у меня славу и богатство?»

Этого нельзя допустить!»

Лян Цзин так разволновался от своих фантазий, что даже его закрученные усы затряслись. Менее чем за считанные минуты его взгляд, устремлённый на Чжоу Хуайцзиня, уже наполнился враждебностью.

Чжоу Хуайцзинь, стоявший рядом с императрицей, вдруг почувствовал неприятный озноб.

Он нахмурился и огляделся по сторонам.

В зале было отличное освещение, тепло и уютно, что же случилось?

— Тогда не будем тратить время, начнём дворцовый экзамен, — закончив с формальностями, Ли Цзычоу перешла к главному.

Лу Сяоин подала высококачественные кисти, тушь, бумагу и тушечницу, а Чжоу Хуайцзинь добровольно взял тушечницу, чтобы помочь Ли Цзычоу растереть тушь.

Императрица объявила десять вопросов, составленных ею самой: девять вопросов политики и одно эссе.

На вопросы политики нужно было отвечать устно в присутствии императрицы, чтобы продемонстрировать навыки речи и логическое мышление — нечто вроде защиты диплома, а эссе требовало написания небольшого сочинения.

По итогам лучший из лучших будет назван императрицей чжуаньюанем.

Ли Цзычоу всё это время готовила вопросы. Но поскольку они должны были отражать реальность и в то же время быть посильными для кандидатов, она пока придумала лишь шесть-семь тем.

Ли Цзычоу обладала знаниями и в гуманитарных, и в точных науках, с детства практиковалась в каллиграфии, поэтому кисть в её руке лежала уверенно. После вечерних занятий во дворце Ганьлу она всегда брала кисть, чтобы потренироваться в написании традиционных иероглифов.

Поэтому, когда она начала писать, это немного удивило Бай Цинъян, сидевшую на фениксовом троне рядом.

В памяти Бай Цинъян Ли Чоу была злобной и невежественной, а иероглифы перед её глазами были написаны мощно, словно летящие драконы и пронзающие дерево — почерк, который прежний бездарный правитель никогда бы не смог воспроизвести.

Сколько же талантов скрыто в этом человеке?

Бай Цинъян теперь очень заинтересовалась Ли Цзычоу. Она хотела узнать её получше, возможно, это могло пригодиться ей в будущем.

Чжоу Хуайцзинь молча растирал тушь. Он видел почерк Ли Цзычоу и очень его ценил, но сейчас его больше интересовало содержание того, что она пишет.

Чжоу Хуайцзинь про себя: Ого, этот вопрос — с подвохом. О-о, и тот тоже сложный. Ваше Величество, не слишком ли Вы строги? Вряд ли каждый стоящий здесь кандидат — такой Чжоу Хуайцзинь.

Ли Цзычоу пока написала только семь вопросов, касающихся сельского хозяйства и торговли, военного дела, благосостояния народа, управления, образования, финансов и внешней политики.

Оставшиеся два вопроса...

— Я уже написала семь вопросов политики. Оставшиеся два... пусть Государыня задаст один вопрос, а затем мы выберем министра для второго. Что скажет Государыня?

В глазах Бай Цинъян промелькнуло непонятное чувство. Затем она встретилась взглядом с Ли Цзычоу и улыбнулась:

— Ваше Величество так великодушно, что я осмелюсь предложить вопрос для дворцового экзамена.

Ли Цзычоу, видя её ослепительную улыбку, на мгновение потеряла дар речи, а также почувствовала недоброе предчувствие.

И действительно, Бай Цинъян обратилась к чиновникам и кандидатам и своим звонким голосом громко произнесла:

— Мой вопрос очень прост: если государь глуп и невежествен, предаётся безудержной роскоши и расточительству, как человек с амбициями может его свергнуть?

Чиновники: !!

Кандидаты: ?!!

Чжоу Хуайцзинь про себя: ... Она точно шпионка, да? Бай Цинъян точно шпионка, подосланная Шуобэй?!

Но... это правда немного забавно...

Ян Дэцзинь не выдержала и резко фыркнула, и в тишине зала это прозвучало особенно дерзко.

Ли Цзычоу: ...

Рядом стоявший Цзи Чжуйлу, прикрыв рот рукой, тихо напомнил Ян Дэцзинь:

— Ваше Высочество, это неуместно.

Она тут же поспешно опустила голову и прикрылась рукой, но не могла удержаться:

«Но это правда так смешно, хахахаха!!!»

Бай Цинъян — такая злюка!

Другие чиновники: Князь Юй до такой степени пренебрёг авторитетом императрицы, что осмелился посмеяться над ней в зале...

Эти чиновники и не думали, что если бы это была сетевая игра, Ян Дэцзинь была бы тем персонажем, который имеет навык «насмешка» и притягивает агрессию врагов.

Но даже Ли Цзычоу не ожидала, что этот персонаж, предназначенный для отвлечения огня,

будет насмехаться ещё и над своими союзниками...

В зале повисла мёртвая тишина, а внизу у каждого на уме было своё:

«Эта Государыня ведёт себя совершенно неподобающе, задавать такие вопросы...»

«Бай Цинъян, видимо, слишком избалована вниманием, императрица наверняка придет в ярость...»

<http://bllate.org/book/16747/1562193>